
Рустам МАВЛИХАНОВ (БУДДА)

ЕМШАН

Пес седой — моя степь —
Сонно зевает.
Смотрят в веков беспощадность глаза.
В этот полдень вдыхаю
Полынную ярость.
Кем бы ни был ты, Ветер, — не ведаю зла.

Пес святой, моя Степь,
Даришь щедро ты ужас,
Для империй оставив забвения роль.
Дикий свет. Голос беркута
Где-то там кружит:
«Твое имя — не тело. Твое имя — Соль».

Белый пес, моя Степь.
Пряный выдох емшана.
Звездной чашей в ночи я и Бог: немота.
Перламутровая нить
От меня до Шихана,
И сквозь кости мои прорастет Пустота.

* * *

«О, бесконечность! Как же взгляд Твой лют!
Мы, жизнь под тонкой пленкой атмосферы,
В Твою страшимся провалиться суть
И потерять себя — основу веры.

Я — плоть от плоти. Я — любовь и гнев,
Свидетель я, багровый дух печали,
На миг мелькнувший в ряби волн рельеф,
Я — перекрестие имен в кристалле», —

Читал я клинопись на небесах,
Приосязаясь к терциям пульсаров,
И медленно спекалось на губах
Познание, как злая кровь анчара.

Рустам Мавлиханов (Будда) родился в 1978 году в г. Салавате (Башкирия). Публиковался в журналах «Нева», «Крещатик», «Журнал ПОэтов», «Слово/Word», «День и ночь», «Традиции & авангард», «Нижний Новгород», «Дальний Восток», «Бельские просторы» и др. Живет в Салавате.

Тогда — на запах яда — ты пришла.
Да, женщин привлекает запах яда,
Как слово — односмысленность числа,
Как жертву Солнцу — красота обряда.

Прильнула робко. Чтоб тебя нашел
В глубинах тьмы, твоей, жизненнессущей,
Чтоб мантией извергнутый рассол
Под светом дня стал малахитом сущим:

Он — жизни цвет твоей Земли святой,
Где живы мертвые, пока живые — живы;
В моей — жар соли. Прикоснись босой,
Услышь сквозь раны вечные мотивы.

Ты вымолвишь: «Я верю: ты есть Ты», —
Откинешься, отчаянна до дрожи.
И первостранника пустынные черты
Проявятся под человечесьей кожей.

В СТЕПИ ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Я источаю запах бани —
Березовой листвы и пара:
Ночным озоном, утром ранним
Погода истоиво мянмарит,

И увертюрой для солиста —
Треск восходящего пожара.
К полудню небо снова чисто
И ветер остр, горюч, сахáрен;

В обед — под сорок. Выпью чаю —
Горячего, с лимоном, медом.
И гумилевствуя о Чаде,
Меконгом проведу в мир дремы,

Где Степь и пекло, воздух жидкий —
Нырни, свободы сдайся плену:
В грозу тут высохнешь до нитки¹;
Озябнешь от своей же тени

И грудь припадешь прохладной
Согреть впитавшую зной кожу, —
Слегка безумствуя руандно,
Имбирна, ласкова, камбоджна.

БЫТЬ

А мы с тобою, брат, татары.
А лучше ехать одвуконь.
К чему нам новых ханов свары?
Неси дрова. Зажги огонь.

¹ В грозу до нитки — тут бывают сухие грозы, когда до земли доходят только молнии; сам дождь испаряется на подлете.

Война расщедрилась добычей —
Не искушай ее грехом.
Сейчас бы к мясу — хлеб пшеничный.
Тащи казан. Тут будет дом!

Втоптали в степь мадяров гордых
И Киев сдобрили золой.
Да не видать конца походу...
Кидай кошму. Про дом наш спой!

А ты под Вечным Синим Небом
Лежишь, источен до костей —
Не отогреет дева телом.
Держи кумыс. Со мною пей!

Мы все — в степном пожаре травы:
Великий хан, пастух простой.
Других пусть славит путь кровавый,
А мы пришли к себе домой!

В ТУМАНЕ

Мой Бог! Храни нас от невежды —
Он проклял все, что было прежде;
Он пес: он рад терзать надежду
И вешать.

Мой Бог! Храни нас от проказы,
Фетиш чей — плеть, петля и газы,
Кто метит всех своею язвой,
И — в мясо.
В мясо.

Мой Бог! Избавь народ от труса,
Чьи к сатане припали уши,
Кто крыс удел считает лучшим.
И душит.
Душит.

Мой Бог! Спаси людей от мачо —
Он мстителен, жесток и алчен.
Что сестры, Бог мой, кровью плачут —
Хоть что-то значит?